

ИСТОРИКО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ САМОУБИЙСТВ НА УРАЛЕ В 1920-е ГОДЫ

М. И. Мирошниченко¹, В. А. Журавлева²

¹Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Российская Федерация

²Филиал Южно-Уральского государственного университета, г. Златоуст, Российская Федерация

Статья посвящена одной из причин смерти человека – самоубийству. Авторы отмечают, что в советской стране статистика самоубийств была введена в начале 1921 года. На Урале сведения о суицидах собирались и разрабатывались демографическими секциями губернских статистических бюро, с образованием Уральской области – отделением моральной статистики областного статистического управления и его структурами на местах. В 1920-е годы сведения по самоубийствам публиковались в центральных и региональных статистических сборниках. Анализ статистических данных показал рост самоубийств на Урале в годы НЭПа. В первой половине 1920-х годов большая часть самоубийств совершалась в сельской местности, во второй половине 1920-х годов – в городах. Большую часть суицидников составляли мужчины. Однако проявилась тенденция к росту самоубийств среди женщин, что стало следствием вовлечения женщин в общественно-политическую и экономическую жизнь края. Наибольшая склонность к суицидам проявилась у лиц трудоспособного возраста. Это отличало Урал, как и СССР в целом, от стран Западной Европы, где добровольно из жизни уходили прежде всего старики. Данные судебно-медицинских экспертов Урала за 1926 год позволяют судить о способах ухода из жизни. Чаще всего прибегали к асфиксии, реже использовали смертельные травматические повреждения, отравления неорганическими ядами и органическими отравками, был зафиксирован один случай ухода из жизни в результате действия низких температур. Статистические работники 1920-х годов пытались выявить мотивы, толкавшие человека на самоубийство: это душевные и нервные болезни, любовь и ревность, семейные неприятности, отвращение к жизни, материальные лишения. Авторы статьи отмечают, что в начале 1930-х годов на Урале прекратилось исследование самоубийств, перестали публиковать статистические данные по ним. Сведения о суицидах продолжали собираться, но не по специальной программе, как в 1920-е годы, а в рамках статистики смертности по причинам смерти.

Ключевые слова: историческая демография, Урал, НЭП (новая экономическая политика), суицид, самоубийца, статистика.

Введение

В истории советской страны 1920-е годы ознаменовались крупнейшими социально-политическими и экономическими процессами, которые способствовали глубокой трансформации хозяйственных, политических и социальных сфер общества и не могли не оказать влияние на человека. В условиях отказа от военно-коммунистических методов построения нового общества в рамках новой экономической политики (НЭП), дальнейшего разрушения традиционных устоев и масштабных преобразований на рубеже 1920 – 1930-х годов страна вновь в своей истории столкнулась с ростом числа самоубийств.

Эмиль Дюркгейм, классик западной социологии рубежа XIX–XX вв., под самоубийством или суицидом понимал «...всякий смертный случай, являющийся непосредственным или посредственным результатом положительного или отрицательного акта, совершенного самой жертвой» [1]. Универсальная научно-популярная энциклопедия «Кругосвет» особо подчеркивает, что самоубийство – это сознательный отказ человека от жизни, связанный с действиями, направленными на ее прекращение [2]. Д. Г. Трунов идет дальше и выделяет такие критерии суицида, как самостоятельность, сознательность, намеренность, достаточность и *post hoc* (наступление смерти вскоре после совершения суицидальных действий) [3, с. 66].

Обзор литературы

Источниковая база

Самоубийство является одной из причин смерти человека. Уже в 1920 году Народный комиссариат здравоохранения ввел всероссийскую регистрацию самоубийств путем заполнения специальной анкеты судебно-медицинскими экспертами [4, с. 18]. С февраля 1921 года с постановления Центрального статистического управления РСФСР (далее – ЦСУ РСФСР) и Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД) берет начало статистика самоубийств. Все сведения об этом социальном явлении аккумулировались в Отделе моральной статистики ЦСУ РСФСР, возглавляемом профессором М. Н. Гернетом [5, с. 221]. На Урале статистика смертности и заболеваемости населения в связи с экономико-социальными условиями жизни входила в состав статистики народного здоровья, начало которой относится к июню 1920 года [6, с. 11; 7, л. 82–83; 8, л. 13]. Сведения о самоубийствах поступали в статистические органы из подотделов загсов. Их обобщение губернские статбюро возложили на демографические секции [9, л. 7].

В связи с созданием в 1923 году Уральской области, в состав которой вошли Екатеринбургская, Пермская, Тюменская и Челябинская губернии, было образовано Уральское статистическое

управление с окружными статбюро на местах. В 1926 году была уточнена структура органов государственной статистики. В составе сектора социальной статистики выделено отделение моральной статистики, которое занималось сбором и разработкой статистики самоубийств [10, л. 26]. Данные о самоубийствах основывались на опросных листах, которые заполнялись загсами и направлялись в статистические бюро. Этот документ содержал личные сведения о самоубийце, а также о способе, времени и месте совершения самоубийства, его причинах [11].

Статистические данные по самоубийствам в изучаемое время были достаточно достоверными, т. к. источником информации о них являлись записи в медицинских свидетельствах о наступлении смерти подобным образом, составленные медиками, как правило, врачами. Они служили основанием для указания причины смерти в записях актов о смерти. Все насильственные смерти, в том числе и самоубийства, полностью учитывались судебно-медицинскими инстанциями [12, с. XXXII]. В 1920-е годы данные по самоубийствам публиковались в центральных и региональных статистических сборниках.

Самоубийство как одна из причин смертности населения было представлено во всех классификациях причин смерти населения. Уточненная классификация причин смерти населения, разработанная Уралстатбюро совместно с областным отделом здравоохранения на рубеже 1925–1926 годов, включала самые распространенные способы совершения суицида – утопление и утопление. Все же остальные способы фиксировались под формулировкой «без указания способа» [13, л. 333; 14, л. 32].

Историография

В России отношение к самоубийствам было неоднозначным. Оно изменилось от замалчивания этого явления до изучения его. Так, в середине XIX в. цивилист и историк Н. В. Елагин, с 1848 года сторонний цензор Санкт-Петербургского цензурного комитета, ни под каким видом не допускал к публикации повести, в которых говорилось или хотя бы упоминалось о самоубийстве [15, с. 595]. Но уже в течение второй половины указанного века сложилась обширная историография суицида.

В 1920-е годы продолжились исследования самоубийств как опасного социального явления. Особое значение имели работы профессора М. Н. Гернета [5; 16], в которых ученый изучал динамику численности самоубийц по регионам страны, полу и возрасту, мотивам суицида. На эту же тему писал его коллега по отделу моральной статистики ЦСУ Д. П. Родин [17] и заведующий отделом судебно-медицинской экспертизы Наркомата здравоохранения РСФСР Я. Л. Лейбович [4]. Но в последующие десятилетия в СССР эта проблема оказалась под запретом.

В настоящее время в условиях увеличения числа самоубийств проблема суицида изучается представителями разных наук, издается специальный научно-практический журнал «Суицидология» [см., к примеру: 11; 18–24 и др.]. Зарубежные специалисты также исследуют феномен самоубийства. Они изучают влияние безработицы, браков, разводов, рождений и других факторов на частоту суицидов в своих странах [25, 26]. Д. П. Дос Сантос, М. Таварес, П. П. Баррос сравнивают зависимость уровня самоубийств от динамики экономических циклов в Португалии в период с 1910 года по 2013 год [27]. С. М. Кеван представил историографический обзор публикаций о сезонности самоубийств [28]. При изучении самоубийств в России зарубежные исследователи в основном по-прежнему обращаются к дореволюционному или современному периодам и к центральным районам России. К примеру, доктор философии И. Х. Мякинен, сотрудница Stockholm Centre on Health of Societies in Transition (Швеция), в статье «Смертность от самоубийств в восточноевропейских регионах до и после коммунистического периода», хотя и говорит о региональных моделях 1910 – 1920-х годов, но преимущественно сравнивает уровень самоубийств в 1910-е годы и в конце 1980-х годов. Упомянув о данных официальной статистики по самоубийствам по 16 регионам СССР в 1926 году, она называет лишь Северо-Кавказский регион [29]. Австралийский и американский историк и социолог Шейла Фицпатрик анализирует самоубийства в Советской России, но в 1930-е годы [30].

На фоне роста интереса исследователей к данной проблеме до сих пор нет работ по феномену самоубийства на Урале в переломные периоды прошлого века. В данной статье делается попытка восполнить этот пробел в отношении 1920-х годов. Изучать обозначенную проблему сложно, т. к. опубликованные в открытых источниках и сохранившиеся в архивах данные разнятся, тем не менее можно определить тренды в развитии этого социального явления на Урале.

Методы исследования

Статья написана на основе метода системно-исторического анализа, статистико-демографического метода и метода описательной статистики.

Результаты и дискуссия

Сохранившиеся статистические сведения по Уралу за 1920-е годы свидетельствуют об устойчивом росте числа самоубийств. Если в 1922 году в Уральском районе (без Тюменской губернии) было зафиксировано 163 случая суицида [16], то во вновь образованной Уральской области их было в 1923 году 179, в 1924 году – 295, в 1925 году – 392, в 1926 году – уже 435, а в 1927 году – 687, т. е. за 1923–1927 годы численность добровольно ушедших из жизни уральцев выросла в 3,8 раза. В первой половине 1920-х годов боль-

шая часть самоубийств приходилась на сельскую местность. Доля суицидников-селян среди всех самоубийц на Урале составила в 1924 году 52,9 %, в 1925 году – 64,2 %. Но с 1926 года город начал опережать село по этой причине смерти своих жителей: в 1926 году удельный вес самоубийц-горожан среди всех самоубийц Уралобласти достигал 51,3 %, а в 1927 году – 52,1 %. Обращает на себя внимание тот факт, что в городах удельный вес добровольно ушедших из жизни среди всех скончавшихся всегда был выше, чем в сельских поселениях региона. К примеру, среди всех умерших в 1924 году суицидники составили в городах 0,4 %, на селе – 0,1 %, а по области – 0,2 %; в 1927 году – соответственно, 0,9 %, 0,2 % и 0,3 %. В 1928 году в уральских городах суицидников был уже 1 % от всех скончавшихся в этот год.

На Урале, как в городах, так и в сельской местности, кончали жизнь самоубийством в основном мужчины. Однако и среди женщин было достаточное число добровольно ушедших из жизни. Так, на 100 мужчин-суицидников в 1924 году приходилось по области 48 женщин, по городам – 53, в сельской местности – 44 женщины; в 1926 году соответственно – 51, 50 и 51. Уже в 1920-е годы проявилась тенденция к постепенному росту самоубийств среди женщин: в городах региона в 1927 году их было уже 66, а в 1928 году – 65 чел. на 100 мужчин, добровольно ушедших из жизни. Это стало следствием включения женщин в общенационально-политическую и экономическую жизнь страны и края [рассчитано по: 31, с. 74, 77; 32, с. 22; 33, с. 41; 34, с. 10; 35, с. 37; 36, с. 117; 37, с. 59; 38, л. 29 об., 81 об.; 39, л. 132 об., 141 об.].

Статистические данные Урала позволяют проанализировать возраст самоубийц. Еще в 1920-е годы М. Н. Гернет и Я. Л. Лейбович отметили специфику СССР, отличавшую его от других европейских стран, в которых численность самоубийц возрастала по мере перехода к более старшим возрастным группам. В Советском Союзе, наоборот, наибольшая склонность к суицидам проявилась в молодом возрасте (20–24 года) и в ближайших к нему возрастных группах (16–19 и 25–29 лет) [4, с. 6; 5, с. 224]. В этот же период Е. Н. Тарновский попытался объяснить этот феномен большей вовлеченностью молодежи в процесс развития страны [5, с. 224].

Отмеченная учеными специфика советской страны подтверждается и статистическими данными по Уралу. Большинство добровольно ушедших из жизни в изучаемом регионе – это лица трудоспособного возраста (17–59 лет). В 1924–1925 годы их доля среди всех суицидников Уралобласти достигала 79 %, при этом в 1924 году она составляла среди женщин 87,5 %, мужчин – 75,4 %; в 1925 году соответственно – 82,1 и 77,5 %. В указанный период были и самоубийцы в возрастной группе до 9 лет. В основном это были мальчики – четверо из пяти суицидников этого возраста в 1924

году и все (три человека) в 1925 году [рассчитано по: 32, с. 22–23; 40, с. 34–35].

Более детальный анализ возраста самоубийц возможен только в отношении городского населения Уральской области в 1924–1928 годы. В 1924 и 1926 годах было зафиксировано по два самоубийства в год среди детей до 9 лет, во всех случаях это были мальчики. Численность суицидников-горожан резко возрастает в возрастной группе 10–19 лет. Их доля уже достигала в 1924 году 24,8 %, в 1927 году снизилась до 15,1 % и немного увеличилась в 1928 году, составив 18,3 %. Однако в рассматриваемый период большая часть добровольно ушедших из жизни приходилась на трудоспособный возраст (20–59 лет), они составили в 1924 году 66,4 % от всех самоубийц в городах региона, в 1927 году – 79 %, в 1928 году – 73,2 %. В рамках данной возрастной группы наибольший удельный вес суицидников приходился в 1924 году на 20–39 лет (51,1 %), в 1927–1928 годах – на 20–29 лет (40,5 и 40,1 %). В дальнейшем этот показатель постепенно снижался, достигнув в 1924 году в группе 40–59 лет 15,3 %, в 1927–1928 годах в группе 30–59 лет соответственно – 38,5 и 33,1 %. Среди горожан от 60 лет и старше самоубийцы составляли не более 6,6 % (1924 г.) – 6,7 % (1928 г.).

Половозрастной анализ самоубийц в уральских городах показывает, что в группе подростков и молодежи 10–19 лет, в отличие от всех остальных возрастных групп, среди суицидников в 1927 и 1928 годах численно преобладали представительницы женского пола, они насчитывали 31 человека против 23 мальчиков и юношей в 1927 году и 44 человека против 27 в 1928 году; доля девочек и девушек 10–19 лет среди добровольно ушедших из жизни женщин составляла соответственно 21,8 % и 28,4 %, а удельный вес мальчиков и юношей среди мужчин-самоубийц в указанные годы был 10,6 и 11,5 %. Число суицидов у мужчин-горожан Урала достигало своего максимума в трудоспособном возрасте 20–59 лет и сохранялось таковым на всем протяжении этой возрастной группы. Так, доля самоубийц 20–29 лет среди всех мужчин, добровольно ушедших из жизни, составила в 1927 году 36,6 %, в 1928 году – 40 %, а 30–59 лет соответственно – 44 и 37,9 %. У женщин наибольшее число суицидов зафиксировано в возрасте 20–29 лет: удельный вес самоубийц среди всех горожанок, добровольно ушедших из жизни, составил в 1927 году 46,5 %, а в 1928 году – 40,1 %. Но уже в возрастной группе 30–59 лет происходит резкое снижение этого показателя – доля самоубийц этого возраста среди всех суицидниц составила в 1927 году 30,3 %, 1928 году – 25,7 % [рассчитано по: 31, с. 74–75; 34, с. 10–11; 35, с. 37–38; 40, с. 38–39]. Таким образом, чем старше становилась женщина, тем ответственнее она относилась к своей жизни.

Данные судебно-медицинских экспертов Урала за 1926 год (без осмотров прочих врачей) позволя-

ют судить о том, каким образом самоубийцы уходили из жизни. Чаще всего прибегали к асфиксии (68 случаев), в том числе в результате повешения (51 случай), удушения руками и петлей (9), утопления (8). Далее по частоте использования были смертельные травматические повреждения (37 эпизодов), они нанесли в основном огнестрельным оружием (22 случая) или острым оружием (5 случаев). Суицидники прибегали и к отравлению неорганическими ядами, в том числе кислотами и щелочами (10 эпизодов), и органическими отравками (9 случаев). В указанный год был зафиксирован один случай ухода из жизни в результате действия низких температур [41, с. 21].

Статистические работники 1920-е годы пытались выявить мотивы, толкавшие человека на самоубийство. Ими стали душевные и нервные болезни, любовь и ревность, семейные неприятности, отвращение к жизни, материальные лишения.

Средства массовой информации Урала постоянно извещали о случаях и способах суицида. К примеру, в июле 1923 года в областной газете «Уральский рабочий» сообщалось, что в Ирбите бросились (по невыясненным причинам) со сплавного моста в реку Ницу и утонули мать и сын Овчинниковы; в Свердловске в общежитии рабочего факультета Уральского государственного университета застрелилась («на романтической почве») студентка Анна Широкова [42]; в Глинской волости близ деревни Голендухиной по невыясненным причинам покончила с собой семнадцатилетняя Наталья [43]. Регулярно сообщалось также и о попытках суицида. Так, в 1926 году в Свердловске на кладбище бывшего монастыря девица Лукоянова выпила большую дозу уксусной эссенции, а неизвестная женщина около пивной инвалидов также отравилась уксусной эссенцией, обе в бессознательном состоянии были отправлены в городскую больницу [44, 45].

В начале 1930-х годов прекращается исследование самоубийств, перестали публиковать и статистические данные по ним. Но сведения о суицидах продолжали собираться, правда не по специальной программе, как в 1920-е годы, а в рамках статистики смертности по причинам смерти.

Выводы

Таким образом, в 1920-е годы СССР, столкнувшись с ростом самоубийств, поручил статистическим органам заниматься сбором и разработкой данных по ним. Уральские статистики выявили численность самоубийц, их половозрастной состав, определили способы и мотивы добровольного ухода людей из жизни. Но в начале 1930-х годов эта работа была свернута.

Литература

1. Дюркгейм, Э. Самоубийство: Социологический этюд / Э. Дюркгейм. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
2. Энциклопедия Кругосвет: Универсальная

научно-популярная энциклопедия. – URL: <https://www.krugosvet.ru/node/42363> (дата обращения: 01.02.2021).

3. Трунов, Д. Г. Определение суицида: поиск критериев / Д. Г. Трунов // Суицидология. – 2016. – Т. 7, № 1 (22). – С. 64–67.

4. Лейбович, Я. 1000 современных самоубийств (социологический очерк) / Я. Лейбович. – М.: Вхутемас, 1923. – 20 с.

5. Гернет, М. Н. Преступность и самоубийства во время войны и после нее / М. Н. Гернет. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1927. – 270 с.

6. Материалы о деятельности Челябинского губернского исполнительного комитета к 6-му губернскому съезду Советов (декабрь 1922 г.). – Челябинск: Б/и, 1922. – 119 с.

7. Государственный архив Курганской области (далее – ГАКО). – Ф. Р-14. – Оп. 1. – Д. 6.

8. Государственный архив Пермского края (далее – ГАПК). – Ф. Р-19. – Оп. 1. – Д. 15.

9. ГАПК. – Ф. Р-19. – Оп. 1. – Д. 199.

10. Архив Златоустовского городского округа (далее – АЗГО). – Ф. Р-118. – Оп. 1. – Д. 205.

11. Аминов, И. Г. История статистики самоубийств в России в дореволюционную и советскую эпохи / И. Г. Аминов // Социальные аспекты здоровья населения. – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/667/30/> (дата обращения: 01.02.2021).

12. Естественное движение населения Союза ССР, 1923–1925. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1928. – Вып. I. – 112 с.

13. АЗГО. – Ф. Р-118. – Оп. 1. – Д. 43.

14. ГАКО. – Ф. Р-13. – Оп. 1. – Д. 10.

15. Елагин (Николай Васильевич) / Елагин // Энциклопедический словарь; издатели: Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефронь. – СПб.: Тип. Литографии И. А. Ефрона, 1891. – Т. ХІА. – 961 с.

16. Гернет, М. Н. Самоубийства в 1925 и 1926 гг. / М. Н. Гернет // Самоубийства в СССР в 1925 и 1926 гг. – М.: Изд. ЦСУ СССР, 1929. – С. 7–16.

17. Родин, Д. П. Движение самоубийств по различным странам за годы войны и после нее / Д. П. Родин // Вестник статистики. – 1924. – № 7–9. – С. 206–209.

18. Тяжельникова, В. С. Самоубийства коммунистов в 1920-е годы / В. С. Тяжельникова // Отечественная история. – 1998. – № 6. – С. 158–173.

19. Лебина, Н. Б. Повседневная жизнь советского города: Нормы и аномалии, 1920–1930-е годы / Н. Б. Лебина. – СПб.: Нева: Летний Сад, 1999. – 320 с.

20. Лебина, Н. Б. Советская повседневность: Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю / Н. Б. Лебина. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 483 с.

21. Сорокин, П. А. Самоубийство как общественное явление / П. А. Сорокин // Социологические исследования. – 2003. – № 2. – С. 104–114.

22. Богданов, С. В. Самоубийства в СССР

- и США в 1920-е гг.: особенности национальных трагедий / С. В. Богданов // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. – 2010. – № 1. – С. 126–142.
23. Любков, Е. Б. К истории отношения общества к суициду / Е. Б. Любков, П. Б. Зотов // Суцидология. – 2017. – Т. 8, № 4 (29). – С. 9–30.
24. Гишинский, Я. Основные тенденции динамики самоубийств в России / Я. Гишинский, Г. Румянцева. – URL: <https://narcom.ru/ideas/socio/28.html> (дата обращения: 01.02.2021).
25. Morrell, S. Suicide and unemployment in Australia 1907–1990 / S. Morrell, R. Taylor, S. Quine, Ch. Kerr // *Social Science & Medicine*. – 1993. – Vol. 36. – Iss. 6. – P. 749–756.
26. Agerbo, E. Social integration and suicide: Denmark, 1906–2006 / E. Agerbo, S. Stack, L. Peterson // *The Social Science Journal*. – 2011. – Vol. 48. – Iss. 4. – P. 630–640.
27. Dos Santos, J. P. More Than just numbers: Suicide rates and the economic cycle in Portugal (1910–2013) / J. P. Dos Santos, M. Tavares, P. P. Barros // *SSM-Population Health*. – 2016. – № 2. – P. 14–23.
28. Kevan, S. M. Perspectives on season of suicide / S. M. Kevan // *Social Science & Medicine*. Part D: Medical Geography. – 1980. – Vol. 14. – Iss. 4. – P. 368–369.
29. Mäkinen, I. K. Suicide mortality of Eastern European regions before and after Communist period / I. K. Mäkinen // *Social Science & Medicine*. – 2006. – № 63. – P. 307–319.
30. Фицпатрик, Ш. Социальная история Советской России в 30-е годы: город / Ш. Фицпатрик. – М.: РОССПЭН: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. – 336 с.
31. Здравоохранение Уральской области за 1925 г. – Свердловск: Уралоблсполком, 1926. – Вып. II. – 135 с.
32. Уральское хозяйство в цифрах. 1926 г.: кратк. стат. справочник. – Свердловск: Изд. Уралоблстатуправления, 1926. – 393 с.
33. Уральское хозяйство в цифрах. 1928 г.: кратк. стат. справочник. – Свердловск: Изд. Уралоблстатуправления, 1928. – 571 с.
34. Уральское хозяйство в цифрах. 1929 г.: кратк. стат. справочник. – Свердловск: Изд. Уралоблстатотдел, 1929. – 587 с.
35. Уральское хозяйство в цифрах. 1930. – Свердловск: Изд. статсектора Уралплана, 1930. – Вып. I. – 223 с.
36. Итоги десятилетия Советской власти в цифрах. 1917–1927. – М.: ЦСУ СССР, 1927. – 514 с.
37. Естественное движение населения РСФСР за 1926 год. – М.: Изд. ЦСУ РСФСР, 1928. – 131 с.
38. Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). – Ф. Р-1812. – Оп. 2. – Д. 18.
39. ГАСО. – Ф. Р-1812. – Оп. 2. – Д. 27.
40. Уральское хозяйство в цифрах. 1927 г.: кратк. стат. справочник. – Свердловск: Изд. Уралоблстатуправления, 1927. – 514 с.
41. Состояние дела здравоохранения в Уральской области за 1926 г. – Свердловск: Уралоблздравотдел, 1928. – Вып. III. – 169 с.
42. Уральский рабочий. – 1923. – 4 июля.
43. Уральский рабочий. – 1923. – 26 июля.
44. Уральский рабочий. – 1926. – 17 июля.
45. Уральский рабочий. – 1926. – 21 июля.

Мирошниченко Мария Ильинична – доцент кафедры отечественной и зарубежной истории, Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск), e-mail: mmi74@yandex.ru. ORCID 0000-0003-0545-2359

Журавлева Вера Анатольевна – доцент кафедры социально-правовых и гуманитарных наук, филиал Южно-Уральского государственного университета (г. Златоуст), e-mail: zhuravlvera@yandex.ru. ORCID 0000-0002-1915-913X

Поступила в редакцию 14 сентября 2021 г.

DOI: 10.14529/ssh210403

HISTORICAL AND DEMOGRAPHIC ANALYSIS OF SUICIDES IN THE URALS IN THE 1920s

M. I. Miroshnichenko¹, V. A. Zhuravleva²

¹South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation

²The branch of South Ural State University, Zlatoust, Russian Federation

The research explores one of the causes of human death – a suicide. The authors note that in the Soviet country the statistics on suicides was introduced in the beginning of 1921. In the Urals, the demographic divisions of the provincial statistical bureaus collected and consolidated

the available information on suicides. When the Ural region was officially formed, the department of moral statistics of the regional statistical administration and its local structures performed the same function. In the 1920s, the information on suicides was published in central and regional statistical compendia. The analysis of statistical data showed the growth of suicides in the Urals during the NEP period. In the first half of the 1920s, the majority of suicides were committed in the countryside, and in the second half of the 1920s – in the cities. Most suicides were committed by men. However, the number of suicides among women tended to increase, which was a consequence of women's involvement in the socio-political and economic life of the region. The greatest suicidal tendencies were observed among working-age persons. This distinguished the Urals, as well as the USSR as a whole, from the countries of Western Europe, where primarily elderly people voluntarily left the life. The data of forensic-medical experts of the Urals for 1926 illustrate the ways of suicide. Most often asphyxiation was used, less often – fatal traumatic injuries, poisoning by inorganic poisons and organic poisons, besides, there was registered one case of suicide by low temperatures. Statisticians in the 1920s tried to identify the motives that pushed people to suicide, namely: mental and nervous illnesses, love and jealousy, family troubles, life aversion, material deprivation. The authors emphasize that in the beginning of the 1930s, the research on suicides in the Urals region was stopped and the statistical data on suicides was no longer published. However, data on suicides continued to be collected, but not under a special program, as in the 1920s, but as a part of the statistics of mortality by cause of death.

Keywords: historical demography, Urals, NEP (new economic policy), suicide, self-murderer, statistics.

References

1. Durkheim E. *Samoubiystvo: Sotsiologicheskii etyud* [Suicide: A Sociological Study]. M.: Mysl, 1994. 399 p.
2. *Entsiklopediya Krugosvet: Universal'naya nauchno-populyarnaya entsiklopediya* [Encyclopedia Around the World: Universal Popular Science Encyclopedia]. URL: <https://www.krugosvet.ru/node/42363> (data obrashcheniya: 02.01.2021).
3. Trunov D.G. *Opredeleniye suitsida: poisk kriteriyev* [Definition of Suicide: Search Criteria] // *Suitsidologiya*. 2016. T. 7, № 1 (22). S. 64–67.
4. Leibovich J. *1000 sovremennykh samoubiystv (sotsiologicheskii ocherk)* [1000 Modern Suicides (Sociological Sketch)]. M.: Vkhutemas, 1923. 20 p.
5. Gernet M.N. *Prestupnost' i samoubiystva vo vremena voyny i posle neye* [Crime and Suicide During the War and After It]. M.: Izd. Central Statistical Administration of the USSR, 1927. 270 p.
6. *Materialy o deyatelnosti Chelyabinskogo gubernskogo ispolnitel'nogo komiteta k 6-mu gubernskomu s'yezdu Sovetov (dekabr' 1922 g.)* [Materials on the Activities of the Chelyabinsk Provincial Executive Committee for the 6th Provincial Congress of Soviets (December 1922)]. Chelyabinsk: B / i, 1922. 119 p.
7. *Gosudarstvennyy arkhiv Kurganskoy oblasti (daleye – GAKO)* [State Archives of the Kurgan Region (further – SAKR)]. F. R-14. Op. 1. D. 6.
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Permskogo kraja (daleye – GAPK)* [State Archives of the Perm Territory (further – SAPT)]. F. R-19. Op. 1. D. 15.
9. GAPK [SAPT]. F. R-19. Op. 1. D. 199.
10. *Arkhiv Zlatoustovskogo gorodskogo okruga (daleye – AZGO)* [Archive of the Zlatoust City District (further – AZCD)]. F. R-118. Op. 1. D. 205.
11. Aminov I. G. *Istoriya statistiki samoubiystv v Rossii v dorevolutsionnyy i sovetskuyu epokhi* [History of Suicide Statistics in Russia in the Pre-Revolutionary and Soviet Era] // *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya*. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/667/30/> (data obrashcheniya: 02.01.2021).
12. *Yestestvennoye dvizheniye naseleniya Soyuzov SSR, 1923–1925* [Natural Movement of the Population of the USSR, 1923–1925]. M.: Izd. TsSU USSR, 1928. Iss. I. 112 p.
13. AZGO [AZCD]. F. R-118. Op. 1. D. 43.
14. GAKO [SAKR]. F. R-13. Op. 1. D. 10.
15. Yelagin (Nikolay Vasil'yevich) [Elagin (Nikolai Vasilyevich)] // *Entsiklopedicheskiy slovar'*; publishers: F. A. Brockhaus, I. A. Efron. St. Petersburg: A type Lithographs by I.A. Efron, 1891. T. XIA. 961 p.
16. Gernet M.N. *Samoubiystva v 1925 i 1926 gg.* [Suicides in 1925 and 1926] // *Samoubiystva v SSSR v 1925 i 1926 gg.* Moscow: Izd. Central Statistical Administration of the USSR, 1929. P. 7–16.
17. Rodin D.P. *Dvizheniye samoubiystv po razlichnym stranam za gody voyny i posle neye* [The Movement of Suicides in Different Countries During the War and After It] // *Vestnik statistiki*. 1924. № 7–9. P. 206–209.
18. Tyazhelnikova V.S. *Samoubiystva kommunistov v 1920-ye gody* [Suicides of Communists in the 1920s] // *Otechestvennaya istoriya*. 1998. № 6. P. 158–173.

19. Leбина N.B. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo goroda: Normy i anomalii, 1920–1930-ye gody [Daily Life of a Soviet City: Norms and Anomalies, 1920–1930s]. St. Petersburg: Neva: Letniy Sad, 1999. 320 p.
20. Leбина N.B. Sovetskaya povsednevnyost': Normy i anomalii. Ot voyennogo kommunizma k bol'shому stil'yu [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From Military Communism to the Big Style]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 483 p.
21. Sorokin P.A. Samoubiystvo kak obshchestvennoye yavleniye [Suicide as a Social Phenomenon] // *Sotsiologicheskiye issledovaniya*. 2003. № 2. P. 104–114.
22. Bogdanov S.V. Samoubiystva v SSSR i SSHA v 1920-ye gg.: osobennosti natsional'nykh tragediy [Suicides in the USSR and the USA in the 1920s: FEatures of National Tragedies] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 18: Sotsiologiya i politologiya*. 2010. № 1. P. 126–142.
23. Lyubov E.B., Zotov P.B. K istorii otnosheniya obshchestva k suitsidu [To the History of Society's Attitude to Suicide] // *Suitsidologiya*. 2017. T. 8, № 4 (29). P. 9–30.
24. Gilinsky J., Rumyantseva G. Osnovnyye tendentsii dinamiki samoubiystv v Rossii [The Main Trends in the Dynamics of Suicides in Russia]. URL: <https://narcom.ru/ideas/socio/28.html> (data obrashcheniya: 02.01.2021).
25. Morrell S., Taylor R., Quine S., Kerr Ch. Suicide and Unemployment in Australia 1907–1990 // *Social Science & Medicine*. 1993. Vol. 36. Iss. 6. P. 749–756.
26. Agerbo E., Stack S., Peterson L. Social Integration and Suicide: Denmark, 1906–2006 // *The Social Science Journal*. 2011. Vol. 48. Iss. 4. P. 630–640.
27. Dos Santos J.P., Tavares M., Barros P.P. More Than just Numbers: Suicide Rates and the Economic Cycle in Portugal (1910–2013) // *SSM-Population Health*. 2016. № 2. P. 14–23.
28. Kevan S.M. Perspectives on Season of Suicide // *Social Science & Medicine*. Part D: Medical Geography. 1980. Vol. 14. Iss. 4. P. 368–369.
29. Mäkinen I.K. Suicide Mortality of Eastern European Regions before and after Communist Period // *Social Science & Medicine*. 2006. № 63. P. 307–319.
30. Fitzpatrick S. Sotsial'naya istoriya Sovetskoy Rossii v 30-ye gody: gorod [Social History of Soviet Russia in the 30s: City]. M.: ROSSPEN: Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin, 2008. 336 p.
31. Zdravookhraneniye Ural'skoy oblasti za 1925 g. [Health Care of the Ural Region for 1925]. Sverdlovsk: Uraloblispolkom, 1926. Iss. II. 135 p.
32. Ural'skoye khozyaystvo v tsifrakh. 1926 g.: kratk. stat. spravochnik [Ural Economy in Figures. 1926: Brief. Stat. Directory]. Sverdlovsk: Ed. Uraloblstatupravleniya, 1926. 393 p.
33. Ural'skoye khozyaystvo v tsifrakh. 1928 g.: kratk. stat. spravochnik [Ural Economy in Figures. 1928: Brief. Stat. Directory]. Sverdlovsk: Ed. Uraloblstatupravleniya, 1928. 571 p.
34. Ural'skoye khozyaystvo v tsifrakh. 1929 g.: kratk. stat. spravochnik [Ural Economy in Figures. 1929: Brief. Stat. Directory]. Sverdlovsk: Ed. Uraloblstatotdel, 1929. 587 p.
35. Ural'skoye khozyaystvo v tsifrakh. 1930 [Ural Economy in Figures. 1930]. Sverdlovsk: Ed. of Uralplan State Sector, 1930. Iss. I. 223 p.
36. Itogi desyatiletiya Sovetskoy vlasti v tsifrakh. 1917–1927 [Results of the Decade of Soviet Power in Figures. 1917–1927]. M.: TsSU USSR, 1927. 514 p.
37. Yestestvennoye dvizheniye naseleniya RSFSR za 1926 god [Natural Movement of the Population of the RSFSR in 1926]. M.: Izd. TsSU RSFSR, 1928. 131 p.
38. Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti (daleye – GASO) [State Archives of the Sverdlovsk Region (further – SASR)]. F. R-1812. Op. 2. D. 18.
39. SASR. F. R-1812. Op. 2. D. 27.
40. Ural'skoye khozyaystvo v tsifrakh. 1927 g.: kratk. stat. spravochnik [Ural Economy in Figures. 1927: Brief. Stat. Directory]. Sverdlovsk: Ed. Uraloblstatupravleniya, 1927. 514 p.
41. Sostoyaniye dela zdravookhraneniya v Ural'skoy oblasti za 1926 g. [The state of Health Care in the Ural Region in 1926]. Sverdlovsk: Uraloblzdravotdel, 1928. Vol. III. 169 p.
42. Ural'skiy rabochiy [Ural Worker]. 1923. 4 July.
43. Ural'skiy rabochiy [Ural Worker]. 1923. 26 July.
44. Ural'skiy rabochiy [Ural Worker]. 1926. 17 July.
45. Ural'skiy rabochiy [Ural Worker]. 1926. 21 July.

Maria I. Miroshnichenko – associate professor of Department of Russian and Foreign History, South Ural State University (Chelyabinsk), e-mail: mmi74@yandex.ru

Vera A. Zhuravleva – associate professor of Department of Socio-Legal Sciences and Humanities, the branch of South Ural State University (Zlatoust), e-mail: zhuravlvera@yandex.ru

Received September 14, 2021

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Мирошниченко, М. И. Историко-демографический анализ самоубийств на Урале в 1920-е годы / М. И. Мирошниченко, В. А. Журавлева // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». – 2021. – Т. 21, № 4. – С. 22–29. DOI: 10.14529/ssh210403

FOR CITATION

Miroshnichenko M. I., Zhuravleva V. A. Historical and Demographic Analysis of Suicides in the Urals in the 1920s. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Social Sciences and the Humanities*, 2021, vol. 21, no. 4, pp. 22–29. (in Russ.). DOI: 10.14529/ssh210403
